

Введение в "эпоху Руссо"

“У нас есть орган, соответствующий слуху, это - голос; но у нас нет органа, соответствующего зрению, так что цвета мы воспринимаем не так, как звуки. Вот лишнее средство развивать наше первое чувство, взаимно упражняя и активный, и пассивный его орган”.

"Эмиль"

Если принять традиционную организацию чтения, можно было бы наверное сказать, что здесь фактически была предложена своего рода двойная сетка — историческая и систематическая. Допустим, что мы принимаем эту оппозицию - ради удобства, поскольку, надо думать, причины нашего ей недоверия теперь уже вполне понятны. Поскольку нам предстоит исследовать нечто такое, что на том же языке и с тем же недоверием мы называем "примером", придется теперь обосновать наш выбор.

С какой стати придавать "эпохе Руссо" значимость "образца"? В чем особые заслуги Жан-Жака Руссо в истории логоцентризма? Что означает это имя собственное? Каковы отношения между этим именем собственным и теми текстами, которые были им подписаны? Мы здесь лишь приступаем к ответу на эти вопросы или, скорее, к исследованию, ограниченному самой их постановкой. Эта работа будет разворачиваться постепенно. И потому ее нельзя заранее обосновать в предисловии. Начнем, однако.

Если история метафизики есть история определения бытия как наличия, если ее авантюра сливается с авантурой логоцентризма, если она всецело строится на сведении на нет следа, то труды Руссо, как нам представляется, занимают - между "Федром" Платона и "Энциклопедией" Гегеля - свое совершенно особое место. Что значат эти три точки отсчета?

Между началом и философским завершением фонологизма (или логоцентризма) был четко прорисован мотив наличия. Этот мотив претерпел внутренние изменения, о чем ярче всего свидетельствует момент уверенности в картезианском когито. Тожество наличия, открытое власти повтора, поначалу сложилось в "объективной" форме идеальности эйдоса, или субстанциональности сущности (ousia). Эта объективность отныне принимает форму представления, идеи как модификации самоналичной субстанции, наделенной сознанием и уверенностью в себе в самый момент этой самосоотнесенности. В наиболее общем виде овладение наличием порождает некую бесконечную уверенность. Власть повторения, необходимость которой гарантировалась эйдосом, или сущностью (ousia), казалось, приобрела некую абсолютную независимость. В процессе чистого самовозбуждения идеальность и субстанциональность самосоотносятся в стихии res cogitans. Сознание есть опыт чистого самовозбуждения. Оно считает себя непогрешимым, и если аксиомы естественного света дают ему эту уверенность, отвергая наущения Злого Гения, и доказывают существование Бога, значит, они выступают как сама стихия мысли и

самоналичия. Божественное происхождение этих аксиом не нарушает этого самоналичия. Бесконечная инаковость божественной субстанции не вторгается как стихия опосредования или непрозрачности в прозрачную самосоотнесенность или чистое самовозбуждение. Бог есть имя и стихия того, что обуславливает возможность абсолютно чистого и целиком самоналичного самопознания. Бесконечный божественный разум есть другое имя логоса как самоналичия — от Декарта и до Гегеля, несмотря на все различия мест и времен в структуре этой эпохи. А логос может быть бесконечным, самоналичным, *порождающим самого себя как чистое самовозбуждение* лишь посредством голоса. Голос — это особый порядок означающего, в котором субъект, отказываясь от своей самозамкнутости (*de soi en soi*), но не нуждаясь во внешних заимствованиях, находит такое означающее, само произнесение которого его возбуждает. Таков по крайней мере опыт, или сознание, голоса - слушания собственной речи (*s'entendre parler*). Этот опыт переживается и пересказывается как устранение письма или тяготения к "внешнему", "чувственному", "пространственному" означающему, нарушающему самоналичие.

Иначе говоря, внутри этой метафизической эпохи, между Декартом и Гегелем, Руссо был несомненно единственным или же первым, кто сделал редукцию письма - эту глубинную предпосылку целой эпохи - темой систематических размышлений. Он повторяет начальное движение "Федра" или трактата "Об истолковании", - правда, на основе новой модели наличия: а именно на самоналичии субъекта в *сознании* или в *чувстве*. То, что он устранял с большей страстью, чем кто-либо другой, должно быть, гипнотически воздействовало на него и мучило его больше, чем кого-либо другого. Декарт изгнал знак — особенно письменный знак — за пределы когито, за пределы ясной и отчетливой очевидности: коль скоро очевидность есть самоналичие идеи в душе, следовательно, знак занимает здесь лишь второстепенное место и относится скорее к области чувственности и воображения. Гегель вновь приспособливает чувственный знак к движению Идеи. Он критикует Лейбница и восхваляет фонетическое письмо в горизонте логоса как абсолютного самоналичия и самососредоточенности в единстве слова и понятия. Однако ни Декарт, ни Гегель не пытались бороться с проблемой письма. Местом этой борьбы и этого кризиса стало то, что мы называем XVIII веком. Причем не только потому, что он восстанавливает в правах чувственность (*sensibilité*), воображение и знак, но и потому, что подходы лейбницевского типа пробивают брешь в броне логоцентрической самоуверенности. Требовалось выявить то, что в этих попытках построения универсальной характеристики сразу же ограничивало силу удара и размеры пробитой бреши. Еще раньше Гегеля Руссо со всей ясностью осудил универсальную характеристику — не потому, что ее обоснование было теологическим и требовало склониться перед бесконечным разумом или божественным логосом, а потому что она исключала голос. Сквозь это осуждение прочитывается энергичнейшая реакция, связанная с защитой фонологизма и логоцентрической метафизики в XVIII веке. Считалось, что эта угроза исходит от письма. Эта угроза неслучайна и по-своему даже упорядочена: она смогла объединить в единую историческую систему проекты *пазиграфии*, открытие неевропейских видов письма или, во всяком случае, серьезные успехи в области их расшифровки и, наконец, само понятие *общей науки о языке и письме*. Все этому и объявляется война. "Гегельянство" - это самый красивый шрам, вынесенный из этой войны.

Имена авторов или учений не имеют здесь существенного значения. Они не указывают ни на тождества, ни на причины. Не стоит думать, будто слова "Декарт", "Лейбниц", "Руссо",

"Гегель" и другие — все это имена авторов произведений, инициаторов движений или сдвигов. Для нас они указывают прежде всего на имена проблем. Хотя мы покамест и позволяем себе рассуждать об этой исторической структуре на примере текстов философского или литературного типа, это делается вовсе не для того, чтобы именно в них обнаружить начало, причину или внутреннее равновесие этой структуры. Однако, поскольку мы вовсе не думаем, что эти тексты представляют собой просто-напросто результаты действия структуры, как бы мы ее ни понимали; поскольку мы полагаем, что *все понятия, предложенные выше для осмысления сорасчлененности речи и исторической целостности, замкнуты пределами метафизики, которые мы и ставим здесь под сомнение*; поскольку других понятий мы не знаем, а выработать новые не сможем, пока наше рассуждение не выйдет из метафизического тупика (clôture); поскольку изначальная и необходимая — и de facto, и de jure — стадия в развитии этой проблематики заключается в том, чтобы проанализировать внутреннюю структуру этих текстов как симптомов; поскольку это единственное условие для определения их самих во всей их метафизической принадлежности - постольку мы и извлекаем из всего вышеперечисленного доводы для вычленения фигуры Руссо, а внутри руссоизма - теории письма. Впрочем, эта абстракция является неполной и предварительной. Далее мы рассмотрим эту проблему в разделе, посвященном "вопросу о методе".

Помимо изложения всех этих весомых предварительных обоснований необходимо упомянуть и другие наши побуждения. Дело в том, что господствующий сейчас в западной мысли и особенно во Франции тип дискурса — назовем его "структуралистским" — остается в плену (мы имеем в виду целый слой в этом многоуровневом образовании) тех самых метафизики и логоцентризма, которые при этом поспешно объявляются уже "преодоленными". В качестве примера мы избрали тексты Клода Леви-Стросса, чтобы исходя из них проникнуться побуждением к чтению Руссо, и все это - по нескольким причинам: во-первых, потому что эти тексты содержательны, интересны с теоретической точки зрения, побуждают к дискуссиям, а кроме того потому, что в них отводится большое место теории письма и теме верности наследию Руссо. Стало быть, они будут здесь не только экзергом.

Версия #1

Зверобой создал 4 марта 2026 23:39:07

Зверобой обновил 4 марта 2026 23:43:07